

ДРЕВЛЕПРАВОСЛАВНАЯ ПОМОРСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ЛИТВЕ: 1990—2003 гг.

Г. В. Потащенко

Образ десятилетия: последнее смирение или последний цинизм

«Кого Я люблю, тех обличаю... Итак, будь ревностен и покайся!» Эти слова, с которыми Господь обращается в Иоанновом видении к лаодикийской общине (Откр. 3, 19), приобрели для нас, русских, чрезвычайно конкретный и актуальный смысл. Мы принуждены очень основательно вытвердить этот урок: научиться узнавать любовь Бога в Его безжалостном обличении.

Сергей Аверинцев

великим трудом, совершая бесчисленные, достойные слез и смеха ошибки, Литва после 1990 г. идет путем от самообмана к действительности, от жестко контролируемого общества к гражданскому. Не приходится удивляться, что путь этот был болезнен и небезопасен. Порой слышались голоса, выражающие весьма понятную, хотя и малопрстойную тоску по «твердой руке» (ныне — надежду на контроль бюрократов Брюсселя).

Эта ностальгия имеет к тому же отнюдь не одни лишь материальные причины. Для прекраснодушных представителей литовской интеллигенции, как и всей постсоветской, утрата иллюзий, и притом вовсе не коммунистических, а как раз «диссидентских», «национальных», куда больнее, нежели труднодоступность необходимых товаров. В связи с этим вспоминается мысль С. Аверинцева, самокритично писавшего: «Да, несвобода была мукой, была унижением и болью, но, если мы хотим выговорить всю правду, мы должны признать, что эта же несвобода каждого из нас — избаловала. С несвободного — какой же спрос? Какой изверг посмеет попрекнуть невольника тоталитарной системы, что последний не берет на себя обязанностей, от которых он отстранен насилем власти? Задачи эти морально переставали существо-

вать...» [Аверинцев 1992: 39]. И далее он заметил, что романтика свободы, романтика сопротивления тоталитаризму не может пережить тоталитаризма; с приходом свободы неминуемо возвращаются профессиональные, деловые критерии — при страшном дефиците профессионализма. Когда мы прозрели ложь идеологии — что говорить, переживание было волнующее; но вот прозреть собственную немощь, ограниченность, прозреть хаос в нашем собственном сознании — положи руку на сердце, едва ли не труднее.

Итак, мы затронули три темы: тему ответственности, профессионализма и критики. Эти критерии можно применить как для членов Сейма, так и для людей Древлеправославной Поморской Церкви (далее — ДПЦ) Литвы, будь то духовные отцы или миряне, берущие на себя организацию соборов и старообрядческих общин с благотворительными, хозяйственными, издательскими и прочими немислимыми до того задачами. Период с 1990 по 2003 г. был временем добровольцев — но, конечно, и временем самозванцев. Увы, границы между добровольчеством и самозванчеством была не только неотчетлива, но и подвижна. Для христианина единственный шанс не отказываться от инициатив и все же не стать самозванцем — смирение.

Легко сказать, но сделать не просто. Это связано и с другой проблемой — переоценкой уже не внешних «ценностей», ложных или полужоных, а нашей самости, попыткой узреть правду о нас самих. Для русского человека середины нет: либо смирение без фраз — либо цинизм без удержу. Может быть, и хорошо, что нет середины. Кто-то заметил, что в такое время жизнь сохранит в себе лишь тот, кто решится выбрать смирение.

Так что в рассматриваемом десятилетии для Литвы и ее ДПЦ были характерны две тенденции: 1) общее позитивное развитие; 2) беспорядочные движения в неиспытанной стихии. Нам скажут, что такова судьба и Латвии, Эстонии, России, да и всей Центральной и Восточной Европы. И да и нет. По крайней мере две особенности отличают страны Балтии, в частности русско-старообрядческую судьбу, от всякой иной.

Во-первых, тоталитарный период длился для нас на три десятилетия меньше, чем для россиян. Фактор времени очень важен. Старое поколение дышало еще свободным или уже авторитарным воздухом 1920—1930-х гг. и несло в себе молчаливую память о чем-то ином — как я помню эти чудные старческие лица из времен моего отрочества и позже! В конце 1980—1990-х гг. старички начали охотно и смелее делиться своими романтически окрашенными воспоминаниями о досоветском прошлом.

Именно двадцать межвоенных лет для старообрядцев Балтийских стран были периодом свободы религии, укрепления и роста их Церквей, своего рода продолжением «золотой эпохи» начала XX века. Вспомним для сравнения

гонения на Церковь и веру 1920—1930-х гг. в советской России, превратившиеся в тотальную войну на уничтожение, абсолютно официально объявленную вере как таковой, во всех ее видах. Тоталитаризм для нас был не столь долговечен, хотя несколько поколений начало дышать его воздухом с первого своего младенческого крика и его действие сказалось не только на уровне мировоззрения, но и на уровне простейших жизненных инстинктов.

Во-вторых, духовные и культурные традиции стран Балтии теснее, чем в Восточной Европе, переплетены с Западной Европой. Многолетний опыт зависимости в течение последних двухсот лет от Российской империи и позже СССР политически, психологически и морально еще более усилил это исторически обусловленное тяготение на запад. Это определило и стратегическое направление политики правительств новых государств — вступление в Европейский Союз и НАТО¹. Происходит постепенная интеграция стран Балтии в западноевропейские политические, экономические структуры и североатлантический военно-политический блок, в то время как Россия пережила ряд экономических спадов и две чеченские войны (согласно официальной версии, это борьба с сепаратистами и террористами).

Таким образом, старообрядцы в странах Балтии проживают не только среди иноверческого (католического, евангелико-лютеранского и др.), но и иноязычного населения, ориентированного на западноевропейские ценности (демократия, права человека, рыночная экономика, правовое государство, уважение меньшинств и пр.) и образ жизни. ДПЦ по численности прихожан является третьим после католиков и православных религиозным сообществом Литвы. Старообрядцы представляют собой рассеянное религиозное меньшинство, составляющее около 1% всех жителей Литвы.

Это специфическое положение русских старообрядцев Балтии в обществе все еще недостаточно осмыслено церковно мыслящими людьми. Верующие, наставники, особенно те, кто постарше, воспринимают это как «само собой разумеющееся», о чем почти не говорят и не думают. И со временем эти проблемы: преподавание уроков по Закону Божьему в общеобразовательной школе, изучение истории старообрядчества, наконец, обучение не только церковнославянскому, но и русскому языку и другие, — будут накапливаться и обостряться. Но это — особая тема.

¹ В мае 2003 г. вступление в ЕС на референдуме поддержало более 90% голосовавших граждан Литвы (это более 60% от численности всех имеющих право голоса). Подобные референдумы в сентябре состоялись в Латвии и Эстонии. Появился и новый юмор: широкая русская душа восстанавливает силы лишь на просторах, и для этого уже не обязательно ехать в Россию.

Новейшую историю ДПЦ Литвы можно подразделить на три периода: с марта 1990 г. по июль 1995 г., с 1995 г. по февраль 2002 г. и время после февраля 2002 г.

Возрождение Церкви: март 1990 — июль 1995 гг.

Несмотря на жесткий контроль и давление атеистического воспитания, Церковь в советские годы выстояла. Уже празднование тысячелетия Крещения Руси обозначило важное изменение советской религиозной политики. Очень торжественно прошел собор Старообрядческой Поморской Церкви (далее — СПЦ; позже название Церкви было изменено на Древлеправославная Поморская Церковь) 31 июля 1988 г. в Вильнюсе (подробнее см. [Деяния собора... 1991]). До и после собора во многих общинах прошли юбилейные торжества — в Риге, Даугавпилсе, Муствеэ (Эстония), Москве и т. д. [Старообрядческий церковный календарь 1989]. Они не сводились лишь к красочным празднованиям. Соборные постановления и решения были разумными, дельными и впервые за много лет открыто поднимали вопросы, касающиеся будущего Церкви, духовно-нравственного состояния общества и активного участия верующих в социальной жизни.

На соборе 1988 г. был избран новый состав Высшего Старообрядческого Совета (далее — ВСС) и Духовной комиссии (далее — ДК). Председателем ВСС был переизбран Иван Исаевич Егоров, а председателем ДК — Иосиф Иванович Никитин. Оба они были известные и авторитетные деятели, но в то время им исполнилось по восемьдесят три года. Собор учел их заслуги перед старообрядчеством и выразил дань уважения к ним, но назревающие важные и даже радикальные сдвиги в стране требовали активного и энергичного участия ее руководителей в деятельности Церкви. Однако преклонный возраст и состояние здоровья как И. И. Егорова, так и И. И. Никитина не способствовали этому. В 1988 г. в Литве было 14 духовных наставников — явно недостаточное количество для обслуживания более чем 50 старообрядческих общин. К тому же в конце 1980-х и начале 1990-х гг. умерли четыре наставника (Федор Дорондов (ок. 1901 — ок. 1989), наставник Смильгяйской общины, и Феокист Пастушков (1894—1989), наставник Муро-Стревининкской общины), а также два опытных отца Вильнюсской общины: о. Никола Прусаков (ум. 1990 г.) и о. Алексей Бояров (ум. 1992 г.).

На долю этих руководителей СПЦ Литвы выпала спешная задача подыскать наставников для Вильнюсской общины, нелегкий труд по подготовке надлежащего духовного образования кандидатов и новых духовных отцов.

Перед ними, как и перед всеми наставниками и верующими Церкви, встали огромные задачи и вызовы: преодоление старого наследия советских времен и новых конфликтов и отколов, их вредных последствий путем оздоровления и оживления деятельности Церкви и высвобождения Ее от уз государства, направление церковного корабля по самостоятельному, богоугодному, ни от каких мирских политиков не зависящему пути в новой Литовской Республике.

В конце 1980-х и первой половине 1990-х гг. значительно возросло как количество крещений, так и людей, посещающих богослужения, особенно во время главных религиозных праздников (однако масштабы подъема религиозности старообрядцев пока трудно характеризовать, так как отсутствуют специальные исследования). При Вильнюсской, Каунасской, Клайпедской и некоторых других общинах были открыты воскресные религиозно-просветительские школы и кружки церковного пения. В 1990—1991 гг. был благоустроен Вильнюсский храм (отремонтирована внутренняя часть храма, водяное отопление заменено на аккумуляторное, приведена в порядок территория храма).

Итак, провозглашение независимости Литвы 11 марта 1990 г. начало новую эру для Церкви. Восстановленная Литовская Республика характеризовалась демократизацией общества и атмосферой религиозной терпимости.

В 1990 г. впервые после пятидесяти лет можно было официально праздновать Пасху. 14 июня 1990 г. решением правительства Литвы был упразднен Совет по делам религий при Совете министров Литовской Республики, прекративший свою деятельность с 1 июля того года [Lietuvos valstybės archyvas...: 102—103]. В прошлом осталась и дискриминационная статья 27 инструкции Совета по делам религий при Совете министров СССР 1961 г., требующая регистрации наставников у уполномоченного Совета. Согласно закону от 3 ноября 1989 г., подтвержденному и позже в независимой Литве, Церковь получила статус юридического лица. Таким образом, Церковь имела юридическую возможность вернуть свое недвижимое имущество и пользоваться им.

Важным событием первых лет в независимой Литве было принятие устава СПЦ, утвержденного 22 ноября 1990 г. на общем заседании ВСС и Духовной комиссии в Вильнюсе. Согласно Уставу, высшая власть в СПЦ в области вероучения, церковного управления, церковного суда принадлежит Собору. Собор избирает председателя ВСС и 12 его членов, а также председателя Духовной комиссии и 12 ее членов.

Согласно Уставу, в период между соборами ВСС был органом управления СПЦ в новой Литовской Республике. До того ВСС в Литве считался фактическим органом управления СПЦ Литвы и поморских общин других

республик СССР, а также отчасти зарубежных — всего их было до 200, где тогда не было своих духовных центров. В конце 1990 г. ВСС в Литве в действительности стал органом управления Церкви Литвы и скорее формально лишь тех республик и регионов СССР (как показали дальнейшие события, кратковременно), в которых до того времени не было своих духовных центров. Как известно, в 1989 г. начался процесс восстановления центральных органов ДПЦ в других республиках — 6 февраля был создан Центральный Совет ДПЦ Латвии (председатель — отец Иоанн Миролюбов; тогда в Латвии были зарегистрированы 64 общины); 21—23 ноября на учредительном съезде в Москве был избран Российский Совет ДПЦ (председатель — отец Олег Розанов; в съезде приняли участие представители 36 общин и групп верующих) [Старообрядческий церковный календарь 1990: 57—59].

В настоящее время действует Единый Совет Древлеправославной Поморской Церкви в Москве, учрежденный 13—15 июня 2001 г. на заседании руководителей центральных органов и общин ДПЦ России, Белоруссии, Латвии и Литвы. Конкретным результатом образования Единого Совета ДПЦ является создание общей редколлегии в составе объединенных редколлегий «Календаря Древлеправославной Поморской Церкви» (Москва) и «Старообрядческого церковного календаря», издаваемого в Даугавпилсе, и издание «Календаря Древлеправославной Поморской Церкви» на 2002 г. [Календарь... 2002: 3—4]. Участие новых руководителей ВСС Литвы в деятельности Единого Совета ДПЦ достаточно пассивно и далеко не соответствует той важной роли, которую играл ВСС в старообрядчестве (беспоповстве) в советские времена.

Приближение структуры Церкви по этому Уставу к соборности проявляется в определении сроков периодичности соборов (не реже одного раза в пять лет или по требованию половины всех общин), в то время как по устоявшейся практике советских времен, когда Устав отсутствовал, они вообще не были обязательными².

По данным Департамента статистики, в первой половине 1990-х гг. общая численность старообрядцев Литвы достигала 35 тысяч; по данным руководства СПЦ — от 70 тысяч до 100 тысяч человек. Это составляло 1% или 2—3% всех жителей страны. В Литве действовало 52—56 (по другим данным, лишь 27) общин.

² Вспомним, что тогда два из трех соборов ДПЦ проходили в связи с юбилеями старообрядчества и, шире, русского православия: в 1966 г. собор ДПЦ в Вильнюсе был посвящен 300-летию старообрядчества (не все соглашались с такой трактовкой старообрядчества), а собор 1988 г. — тысячелетию крещения Руси.

Что касается урегулирования отношений между Церковью и государством, то в 1995 г. был принят закон о «Религиозных обществах и общинах Литвы». Старообрядческая Поморская Церковь получила автономию. Она является одной из девяти (ныне — десяти) официально признанных традиционных религиозных организаций Литвы. Как и другим традиционным Церквям, правительство страны ежегодно оказывает старообрядцам некоторую финансовую помощь.

Однако и после принятия этого закона оставалось немало проблем — внешних и внутренних. К первым относится прежде всего возвращение недвижимого имущества, принадлежащего ДПЦ. Хотя законы разрешают религиозным сообществам в Литве вернуть принадлежащее им имущество, тем не менее это не всегда удавалось осуществить практически. Так, Вильнюсская община не может вернуть четырех ей принадлежащих зданий (в частности, бывшей старообрядческой школы, приюта на ул. Науйининку), заселенных жильцами, а также земельного участка при храме.

Финансовый и экономический кризис начала и середины 1990-х гг. очень болезненно отразился на Церквях, что усугубилось еще финансовыми затратами на приведение в порядок десятков имеющихся (действующих) храмов, многим из которых требовалось обновление или ремонт. После 1990 г. начали создаваться новые старообрядческие общины, строиться молитвенные дома: летом 1990 г. староверы отремонтировали и освятили храм в Дукштасе, переданный им с согласия православного епископа Анатолия [Skatikaitė 1991]; в 1991 г. новая старообрядческая община и храм возникли в Утене; в октябре 1992 г. завершено сооружение храма в Зарасае. В период с 1990 по 1995 гг. в Литве было построено или открыто всего 8 старообрядческих храмов и храмовых помещений: в Дукштасе (летом 1991 г.), Утене (21 ноября 1991 г.), Зарасае (4 октября 1992 г.), Шилуте (храм в помещении бывшей библиотеки, после 1990 г.), Радвилишкисе (после 1990 г.), Шяуляе (1993 г.), Лаздияе (ок. 1996 г.), Ужусаляе (храм в помещении бывшего детского сада, 1994 г.). Для сравнения можем привести данные о последующих годах: с 1995 по 2003 г. в Литве был открыт лишь один храм в помещении дома в Пабраде (Швенченский р-н, 2002 г.). Предпринятая отцом Василием Васильевым в конце 1990-х и начале 2000-х гг. попытка начать сбор средств для строительства второго храма в Вильнюсе осталась безрезультатной из-за конфликта, начавшегося в июне 2001 г. в этой общине. Капитального ремонта требовали и многие другие храмы, что стоило многих десятков и сотен тысяч литов.

В 1990—1995 гг. возникли четыре новые старообрядческие общины: в Утене, Шяуляе, Ужусаляе и Лаздияе. После 1995 г. еще две: в Пабра-

де (2003 г.) и Тракае (2002 г.); последняя не имеет пока своего храма или помещения для богослужений. Кроме того, в 2002 г. возобновила деятельность ранее закрытая Кулинская община (Моветский р-н), ядро которой составляют бывшие ее прихожане. Правда, некоторые из общин являются наследницами ранее существовавших (например, община в Ужусалея — это бывший Паскутишкский приход; община в Пабраде — часть оставшегося в Белоруссии Стрипишкского прихода; община в Лаздияе — бывшая Некрунская община). Тогда в списке старообрядческих общин ВСЦ они имеют два названия: новое и старое.

Однако в Литве сохраняет остроту проблема недействующих храмов. Некоторые из них уже после 1990 г. пришли в упадок: в Перелозах, Лукошовке, Буткунае (храм сгорел в середине 1990-х гг.) и других местах. Всего в Литве имеются 23 старых ветшающих и разрушающихся храма. За последние 58 лет разобраны, сгорели или были уничтожены примерно 19 старообрядческих молитвенных домов. За это время перестали действовать еще 23 старообрядческих прихода, храмы которых так или иначе сохранились. Недействующие, ветшающие, разрушающиеся от воздействия природы или порой полуразрушенные старообрядческие храмы — главная и неотложная проблема недвижимого культурного наследия старообрядцев Литвы. Такое положение не может не вызывать у старообрядцев тревоги и огорчения. Эта проблема должна решаться общими усилиями старообрядческих приходов и ВСЦ, местных самоуправлений и Департаментом по охране памятников культуры Литвы, при поддержке центральных властей и, неизбежно, международных фондов³.

³ По нашим подсчетам, в XX веке на территории Литвы всего действовало 76 старообрядческих приходов. В настоящее время в стране действуют, видимо, 32—35 старообрядческих приходов, в которых не менее 10 храмов действуют нерегулярно. Однако в 2000 г. при Министерстве юстиции Литвы было зарегистрировано лишь 16 старообрядческих приходов (в 2002 г. — 20; согласно законам Литвы, регистрация религиозных общин не является обязательной), а в регистре ВСЦ на 2003 г. — 58 общин. Таким образом, по количеству официально зарегистрированных приходов старообрядцы занимают четвертое место среди десяти традиционных религиозных организаций Литвы после католиков (742), православных (36) и евангеликов-лютеран (28); по количеству реально действующих приходов — третье место после католиков (742) и православных (36). Напомню, что десять или двадцать лет назад по количеству официально зарегистрированных приходов старообрядцы были вторыми после католиков. Тогда было официально зарегистрировано более 50 приходов. Известно, что, по данным руководителей СПЦ Литвы, в 1948 г. действовали 72 старообрядческих прихода. Таким образом, в период с конца 1940-х по конец 1990-х гг. прекратили существовать 37—40 приходов, или около 60 % всех старообрядческих приходов. Были три основные причины их закрытия: 1) отказ при регистрации приходов советскими властями (всего закрыто 16 храмов); 2) опустение и прекращение деятельности прихода из-за переселения староверов

Итак, после 1995 г. строительство храмов почти прекратилось. Случайно или нет, но это совпало со временем серьезных и самых болезненных, по крайней мере за последние сто лет, конфликтов и расколов в ДПЦ Литвы. Значит, в 1995 г. период позитивного развития ДПЦ (если иметь в виду строительство храмов) приостановился.

Но каждый действующий храм — это нередко образцовое здание, пример жертвенности и бескорыстия верующих. Все это примеры нравственного возрождения старообрядчества.

И тем не менее денег у Церкви не хватает (хотя с Нее больше не требуют обязательных многотысячных взносов в Фонд мира). Во-первых, называются экономические кризисы 1990-х гг. и отставание уровня зарплат от роста хозяйственных показателей последних лет, а следовательно, у прихожан не всегда есть возможность жертвовать на Церковь. Во-вторых, дополнительных и относительно больших расходов требуют противостояния и судебные разбирательства между конфликтующими группами в крупных старообрядческих общинах и участие в них ВСС (с 2002 г. — Высший Совет Церкви). В-третьих, согласно новым статистическим данным, значительно сократилась общая численность старообрядцев в стране. Кроме того, в прошлом главным источником доходов Церкви были пожертвования людей, выросших в традиционно верующих семьях, которые несли последнюю копейку в храм. Теперь почти все эти люди ушли в мир иной. Большинство представителей нового поколения жертвуют на Церковь меньше, чем ушедшие поколения. Правда, республиканские власти ежегодно оказывают ДПЦ незначительную финансовую поддержку, которая в 2003 г. была урезана в связи с появлением официальных данных о всеобщей переписи населения страны 2001 г. (согласно переписи, старообрядцев в Литве оказалась меньше, чем ранее предъявляемое ВСС количество верующих в Церкви).

Но все это не покрывает всех перечисленных новых огромных расходов общин и Церкви в целом. Заметим, что после развала СССР старообрядческие общины Литвы перестали централизованно перечислять определенную часть своих доходов на деятельность ВСС, а значит, уменьшилась возможность финансировать и общецерковную деятельность.

в города или другие места жительства; 3) храмы сгорели или были разрушены советскими властями, в результате чего небольшой сельский приход нередко был вынужден прекратить свое существование (около 10 храмов). Можно сказать, что 16 приходов прекратили свою деятельность до середины 1950-х гг., 10 приходов — в последующие 30 лет и 11—14 приходов в течение последних 15—17 лет.

Новые испытания: июль 1995 — февраль 2002 гг. Соборы и проблема их каноничности

Начавшийся в 1988 г. процесс постепенного оздоровления Древлеправославной Старообрядческой Поморской Церкви, постепенного Ее высвобождения из-под «опеки» советского правительства и КГБ, к сожалению (однако вполне закономерно), с 1995—1996 гг. сменился нарастающими конфликтными процессами. Еще ранее они проявились в Зарасайской, Каунасской, Вильнюсской, Утенской и других старообрядческих общинах на почве не столько канонической, сколько административной, финансово-хозяйственной и личностной. Однако вскоре глубокий конфликт поразил высшее руководство Церкви, возник серьезный вопрос о каноничности некоторых соборов, или, вернее, так называвших себя старообрядческих съездов.

После 1988 г. собор ДПЦ в Литве не созывался семь или восемь лет. За эти годы накопилось множество требующих решения канонических и организационных вопросов. Кроме того, согласно принятому в 1990 г. Уставу Церкви, собор созывается ВСС не реже одного раза в пять лет. Этот срок истек в 1993 г. Однако в этом году прошел не собор, а смена руководства Церкви. Председатель ВСС И. И. Егоров и председатель ДК И. И. Никитин, оба будучи преклонного возраста (тогда им исполнилось по 88 лет), а также из-за болезни, в июле 1993 года ушли на покой. Вместо них временно исполняющим обязанности председателя ВСС был избран Вильнюсский наставник Василий Васильев, временно исполняющим обязанности председателя ДК — член ДК, наставник первой Даугавпилсской общины Алексей Жилко.

Однако новые временные руководители Церкви не торопились. Собор не был созван ни в 1993, ни в 1994, ни в 1995 гг. Это позже создало гораздо более серьезную проблему признания правомочности управления ВСС Церковью, чем ожидали его члены.

29 ноября 1994 г. заседание инициативной группы по проведению Собора ДПЦ не состоялось, потому что прибыло лишь 7 из 20 приглашенных на совещание представителей старообрядческих центров и наставников. Инициативная группа (так назвали себя семь прибывших представителей из Литвы, Латвии, Белоруссии и Польши) назначила другую дату (23 января 1995 г.) предсоборного совещания в Вильнюсе. Оно, видимо, тоже не состоялось. Однако 25 мая заседание ВСС и позже, 14 сентября 1995 г., расширенное заседание ВСС в Вильнюсе постановили в следующем году созвать собор, утвердили его повестку, примерное представительство участников от разных стран и др.

Будущий собор ДПЦ понимался его инициаторами как собор представителей поморских Церквей, духовных центров или групп из семи стран: России (110 представителей), Латвии (60), Литвы (50), Белоруссии (20), Эстонии (10), США (4) и Польши (3). ВСС трактовался ими как «единственный на данный момент орган управления ДПЦ, избранный Соборами, проходившими в Вильнюсе в 1944, 1966, 1974, 1988 годах», одной из задач которого было налаживание отношений с «региональными центрами» (см. Протокол расширенного заседания ВСС в Литве от 14 сентября 1995 г., состоявшегося в храме Вильнюсской старообрядческой общины, в [Архив Высшего Совета...]).

Однако не все соглашались с такой несколько амбициозной интерпретацией роли ВСС в Литве в новых условиях: российские и латвийские поморцы создали свои центральные органы управления Церковью в национальных государствах. Они считали, что ВСС в Литве является региональным центром, и в 1992 г. в Москве создали Международный Совет. В действительности после 1989 г. значение и авторитет ВСС в Литве резко упал. К 1995 г. ВСС в Литве стал региональным международным центром, объединяющим поморские общины прежде всего Литвы, а также отчасти Латвии, Эстонии, Польши и Белоруссии.

28 июля 1996 г. в Вильнюсе состоялся собор ДПЦ. Собор был инициирован 3 членами ВСС (из 5-ти оставшихся к тому времени; всего было 11) и значительной частью старообрядцев Литвы. В работе собора приняли участие наставники и делегаты из старообрядческих общин Литвы (36 из 56 или 57 общин страны), Латвии, Польши и Эстонии. Был принят Устав ВСС как «международного религиозного центра» и избраны руководители ВСС — им стал наставник Вильнюсской общины Василий Васильев, и ДК — отец Алексей Жилко. Деятельность этого международного ВСС мало представлена в печати; по крайней мере, автору этих строк о ней почти ничего не известно. Складывается впечатление, что со временем этот ВСС тихо прекратил свое существование, или примерно к 1998 г. он превратился из международного в исключительно национальный орган управления Церковью. Кроме того, наряду с международным было решено восстановить национальный духовный центр Литвы. Поэтому был создан Центральный Совет Старообрядцев с местопребыванием его в Каунасе; его председателем избран наставник Укмергской общины Иоанн Ефишов [Старовер 1997: 2—3]. Собор решил обратиться в Министерство юстиции с просьбой о регистрации ЦСС. Однако этот ЦСС Литвы не был зарегистрирован ни тогда, ни позже, уже после неоднократных просьб его руководителей, и был упразднен на соборе 28 марта 1998 г. в Вильнюсе.

В 1997—1999 гг. в Вильнюсе состоялось еще три внеочередных все-литовских собора ДПЦ (3 апреля 1997 г., 28 марта 1998 г. и 18 апреля 1999 г.). На последнем из них в 1999 г. председателем ВСС был избран рокишкский наставник Александр Кудряшов. Министерство юстиции не зарегистрировало этот законный с канонической точки зрения ВСС, потому что зарегистрировало в 1996 г. и признавало ВСС во главе с Н. Пильниковым.

Работа ВСС не ладилась, и в январе 2002 г., в преддверии нового «объединительного» собора, его председатель А. Кудряшов не совсем неожиданно заявил о самороспуске ВСС.

Итак, мы видим ненормальное явление. В 1996—2002 гг. решения законных соборов были малорезультативными, а ими избранные органы управления Церковью Литвы общим решением или сами прекратили свое существование. Это одно из главных печальных последствий кризиса управления Церковью в современной Литве. И дело тут не столько в безуспешной деятельности руководителей, их неспособности и непоследовательности в деле управления в сложных условиях, не столько в отказе государственных властей признать ВСС или ЦСС (параллельный ВСС был ведь зарегистрирован властями), сколько в глубоком внутреннем, каноническо-юридическом и духовно-нравственном кризисе, постигшем Церковь в течение последних десяти лет, начиная, разумеется, с наставников и церковного руководства.

Здесь я должен перейти к очень непростому для меня как историка вопросу. Изучая современную историю Церкви, приходится обсуждать вопрос о ныне здравствующих наставниках, Ее руководстве и давать оценку их деятельности. Речь, в частности, идет об оценке так называемого Клайпедского собора и избранного на нем альтернативного ВСС в Литве во главе с Никифором Пильниковым.

Несмотря на деятельность тогда предсоборной комиссии под руководством исполняющего обязанности председателя ВСС отца В. Васильева, в мае 1995 г. инициативная группа староверов созвала заседание наставников и представителей от 8 (или 9) старообрядческих общин, на котором они, с точки зрения канонов и здравого смысла, приняли несколько незаконных и беспрецедентных решений. Не имея на то никаких полномочий, они неожиданно не только осудили и. о. ВСС наставника В. Васильева как незаконно избранного на эту должность и без должного расследования лишили его сана духовного наставника как якобы недостойного исполнять эти обязанности, но и решили не признавать И. Егорова председателем ВСС из-за его самоотстранения, грубого нарушения устава выборной должности и «самоуправной передачи власти Васильеву В. Н.». Однако тут же на заседании сами избрали Н. Пильникова и. о. председателя ВСС, решили обратиться в банк

с просьбой заморозить счет ВСС, а также решили начать подготовку собора. Этим они сами серьезнейшим образом нарушили Устав Церкви и вступили в противоречие со своим только что вынесенным строгим приговором, осудившим Васильева и Егорова за якобы грубые нарушения этого же Устава.

8 июля 1995 г. в Клайпеде состоялся старообрядческий съезд, который его участники и сторонники до сих пор называют собором Церкви. Однако этот «собор» был созван не действующим ВСС или по требованию половины старообрядческих общин, как этого указано в Уставе СПЦ (1990 г.), а инициативной группой, состоявшей из участников уже упомянутого майского заседания. Мало того, не было не только решения большинства членов ВСС о его созыве⁴, но ни выборных делегатов от общин на это собрание⁵, ни половины старообрядческих общин Литвы: в соборе участвовали представители лишь от 17 общин, тогда как в Литве их было зарегистрировано 57⁶.

Признание этого формального собрания в Клайпеде собором создает исторический прецедент, который не согласуется ни с высоким статусом общецерковного собора, ни с Уставом Церкви (1990 г.), ни с подлинными традициями Поморского староверия. Проблема в том, что этот собор и избранный на нем ВСС был признан правительством Литвы, хотя законность этого собора и его решений очень сомнительны. Мало того, ВСС обратился в гражданский суд с иском о передаче ему печати и документов от реального действующего ВСС во главе с и. о. председателя ВСС о. Василием Васильевым.

Итак, с 1995 г. соборы или съезды наставников и представителей старообрядческих общин Литвы стали регулярным и частым явлением, хотя правомочность некоторых соборов вызывает немало сомнений. К тому же некоторые соборы не признавались другой, конкурирующей группой старообрядцев. Однако необходимо заметить, что новые Уставы Церкви и их редакции (1990, 1995, 1997, 2002 гг.) были приняты с серьезным намерением возродить соборный принцип не как проформу, а как рабочую и духовную основу

⁴ Членом ВСС, избранного на соборе в 1988 г., был лишь один человек из шести, проживавших тогда в Литве, — наставник Г. Легензов. В то время в Литве жило еще пять членов ВСС: наставник Иосиф Никитин, Иван Егоров, наставник Александр Кудряшов, наставник Василий Васильев, Арсений Никитин.

⁵ По крайней мере от ряда общин, например Каунасской, Зарасайской и др. (см. речь М. Семенова на соборе ДПЦ Литвы 3 апреля 1997 г. в [Архив Высшего Совета...]).

⁶ Эти данные на 1997 г. приводились в материалах собора, проходившего 3 апреля 1997 г. в Вильнюсе. Согласно книге регистрации ВСС, в 1991 г. в Литве было 56 общин; 56 общин на 2002 г. — данные собора ДПЦ Литвы в Вильнюсе от 28 февраля 2002 г. (см. Протокол № 1 собора ДПЦ Литвы в Вильнюсе от 3 апреля 1997 г. в [Архив Высшего Совета...]).

бытия ДПЦ. В 1995—2002 гг. в Литве состоялось семь соборов или церковных съездов, которые себя именовали «соборами».

Важно подчеркнуть, что в настоящее время в Литве действует один, а не два, как раньше, орган управления Церковью — ВСЦ во главе с Марком Семеновым, избранный на соборе ДПЦ в феврале 2002 г. Однако потенциально существует проблема Вильнюсского старообрядческого сообщества⁷.

Собор ДПЦ в феврале 2002 г. был созван инициативной группой наставников и мирян, как входящих в состав единственного фактически действующего в то время и признанного Министерством юстиции Литвы органа Церкви — ВСС под руководством Н. Пильникова, так и членов того ВСС, деятельность которого, с нашей точки зрения, была канонически менее всего сомнительна, но который фактически самораспустился в начале 2002 г.

Этот собор нужно, с некоторыми оговорками, считать правомочным. На нем присутствовали 129 делегатов от 52 общин. Однако несколько обстоятельств вызывают недоумение: 1) на соборе не было председателя ВСС и его отчета; 2) не было председателя Духовной комиссии и его отчета; 3) не было отчета ревизионной комиссии и т. д. Собор был внеочередным. Может быть, поэтому на эти важные недостатки, судя по протоколу собора, никак не реагировали делегаты. Другая особенность собора в том, что на нем присутствовали сторонники давно конкурирующих высших органов управления Церковью, например Е. Григорьев, Е. Никитин и др. со стороны ВСС во главе с Н. Пильниковым, и М. Семенов, А. Кудряшов, И. Ефишев — с другой стороны. На соборе было всего 16 наставников и исполняющих обязанности наставников, то есть большинство духовных отцов Литвы, кроме двух — о. Г. Легензова и о. В. Васильева. Последний, видимо, был приглашен на собор. Однако, с точки зрения ВСС во главе с Н. Пильниковым, он не был духовным наставником.

Все это, конечно, положительные и даже существенные сдвиги по сравнению с предыдущим десятилетием. Наряду с этим более тяжелое положение остается только в Вильнюсской общине, ибо ее прихожане в настоящее время фактически разделены на две неравные группы — одну под руководством председателя Совета Вильнюсской общины Г. Боярова и другую во

⁷ Вильнюсское старообрядческое сообщество было создано 16 июля 2000 г., а зарегистрировано 17 декабря 2001 г. Однако осенью 2001 г. Вильнюсская старообрядческая община (председатель Совета Г. Бояров) решила не принимать участия в деятельности этого сообщества и вышла из его состава. Если будет признан Совет Вильнюсской старообрядческой общины во главе с В. Постновым, тогда может возникнуть правовая коллизия (в случае противостояния между двумя группами старообрядцев Литвы): не являясь органом управления ДПЦ Литвы, это сообщество может стать конкурирующим с ВСЦ союзом старообрядческих общин.

главе с председателем Совета В. Постновым. Одна насчитывает около 4600 прихожан и проводит богослужения в Свято-Покровском храме в Вильнюсе. Другая, по некоторым данным, имеет 30—50 или 100—200 прихожан и проводит богослужения в доме наставника В. Васильева.

Конфликты и отколы в общинах

Уже в начале 1990-х гг. с изживанием страха, с выходом Церкви из «гетто», с ростом гласности у верующих стало приглушаться сознание необходимости сохранять единство Церкви любой ценой, мириться с внутренними церковными недостатками в условиях нарождающейся демократии, не выносить сора из избы. Голос мирян, церковных деятелей стал раздаваться все громче и нередко выносил строгий суд своим наставникам — не только словами, но и поступками. К тому же повод для жалоб, недовольства и критики, доходившей порой до злословия, полуправды и даже лжи, иногда подавали и некоторые наставники. Можно вспомнить и слова критиков о нравственных изъянах, отсутствии добродетели у некоторых наставников или их пренебрежении церковным правом.

Были примеры открытого непослушания прихожан, их неповиновения церковному наказанию и поиска справедливости через обращение не в церковный суд, а к светской общественности с помощью средств массовой информации. Нестроения и конфликты затронули некоторые городские общины: Зарасайскую, Каунасскую, Утенскую, Вильнюсскую и др.

Более подробно рассмотрим конфликтные ситуации в самой крупной и известной старообрядческой общине Литвы. В 1992 г. наставник В. Васильев отстранил двух прихожан Вильнюсской общины Н. Пильникова и А. Зубова на год от молитвенного общения (от Церкви) за «избиение [наставника] Е. Никитина» и «казнокрадство» [Васильев 1997: 11; Гутуров 1999]. Несогласные с таким решением своего наставника Пильников, Зубов и некоторые другие прихожане обратились с коллективным письмом в редакцию одной из самых крупных газет — «Республику». Они обвиняли наставника Васильева в финансовых нарушениях, грубости и пр. [Balikienė 1992].

Еще не угас этот конфликт в Вильнюсской общине, получив общественную огласку после обращения «мятежной» группы в светскую прессу, как вскоре разразился новый: один из вильнюсских наставников Евсегний Никитин вынужден был покинуть общину из-за личных разногласий и ссоры с наставником В. Васильевым; он якобы вообще отказался от пастырства. Позже — еще один конфликт. В этот раз (в начале 1994 г.) наставник Васильев распустил Совет общины; сам он, характеризуя управление старообрядчески-

ми общинами, говорил о слишком большом «народоправстве», возникшем в связи с созданием так называемых «двадцаток» еще в советские времена, и недостаточной роли наставника. Поэтому в новом уставе Вильнюсской общины от 27 февраля 1994 г. утверждена более авторитарная модель управления общиной, наделяющая наставника дополнительными и, по сравнению с Уставом СПЦ (1990 г.), излишними административными и хозяйственными полномочиями, дублирующими или даже ущемляющими функции Совета общины и его председателя. Согласно Уставу, органами общинного управления являются: а) возглавляемое наставником общее собрание; б) «настоятель приходского Храма (духовный наставник общины)»; в) избранный общим собранием Совет общины. В нем отдельно выделен пункт «б», чего нет в Уставе СПЦ (1990 г.). 18 статья Устава предусматривает, что наставник от лица общины подписывает договор о материальной ответственности «со всеми лицами, имеющими доступ к материальным ценностям», хотя и председатель Совета подписывает договоры с работниками при храме. Кроме того, авторитарность привнесена и в способ созыва общего собрания общины — наставником или Советом общины (раздел «Общее собрание общины» Устава). Тут формально оставлено место как единовластию, так и двоевластию в общине, хотя Устав и предусматривает право жалоб по поводу внутренних нестроений, которые в таком случае разбираются на общем собрании общины при участии представителей ВСС или на заседании последнего.

В марте 1995 г. при содействии некоторых чиновников была создана и зарегистрирована при городском самоуправлении вторая Вильнюсская община, главным инициатором создания которой был Никифор Пильников. Это вторая община бесосновательно претендовала на права традиционной Вильнюсской общины со Свято-Покровским храмом, расположенным по ул. Науйнинку, и начала более пяти лет (с 1996 по 13 февраля 2001 г.) продолжавшиеся безуспешные судебные разбирательства против нее.

Последний конфликт в Вильнюсской общине разразился в мае — июне 2001 г., хотя признаки нестроения появились в начале этого года. 3 июня 2001 г. общее собрание ВСО принимает дополнения к уставу общины, согласно которым председатель общины избирается не на общем собрании, а Советом общины. Не отстранив председателя М. Семенова от должности, 10 июня Совет выбирает новым председателем В. Постнова. Эта группа считает себя полноправным и единственно правомочным органом управления Вильнюсской общиной, что и после двухгодичного разбирательства подтвердили гражданские суды.

Совсем иная картина вырисовывается из сообщений сторонников председателя ВСО, избранного на общем собрании общины 28 января 2001 г.

Они считают, что именно наставник В. Васильев является организатором и главным действующим лицом разразившегося конфликта. Поэтому, стремясь предупредить перемены в руководстве, они еще 5 июня 2001 г. принимают несколько неординарное решение обратиться к до того времени ими не признаваемому ВСС под руководством Н. Пильникова с предложением объединить советы двух Вильнюсских старообрядческих общин. Кроме того, они признали этот ВСС и решили подчиниться ему. 7 июля 2001 г. состоялось заседание так называемого объединенного Совета Вильнюсской общины. На нем председателем был утвержден М. Семенов, а отцу В. Васильеву было запрещено исполнять должность наставника.

Такая ситуация, с одной стороны (с точки зрения В. Постнова и о. В. Васильева), оценивается как захват власти, а с другой стороны, объясняется чрезвычайными обстоятельствами в связи с потенциальной и, как оказалось, реальной попыткой сместить избранного на всеобщем собрании Вильнюсской общины председателя М. Семенова и захватить власть.

Кто прав с юридической точки зрения? Это разобрали Вильнюсский окружной и высший суды, принявшие в 2003 г. решение о том, что председателем Совета Вильнюсской общины является В. Постнов.

Кто прав с канонической точки зрения? Это разобрали новая Духовная комиссия и ВСЦ. Они вынесли иные постановления, согласно которым председателем Совета Вильнюсской общины должен быть Марк Семенов; поскольку позже председателем Совета этой общины был избран Г. Бояров, то он и является ныне законным председателем Совета. Таким образом, претензии В. Постнова незаконны. Что касается отца В. Васильева, то он решением Духовной комиссии в феврале 2003 г. был осужден, отстранен от исполнения обязанностей наставника и отлучен от Церкви на семь лет.

Таким образом, конфликт в Вильнюсской общине потенциально сохраняется, хотя духовный и гражданский суды окончательно решили его; правда, они вынесли противоположные решения. Это одна из важных причин созыва внеочередного собора ДПЦ Литвы в августе 2003 г.

Портрет в цифрах, или сколько староверов в Литве?

Согласно переписи населения и жилых помещений Литвы 2001 г., в стране было почти 3 миллиона 484 тысячи жителей. Официальные данные о вероисповедании жителей Литвы не собирались 78 лет (последний раз вопрос о принадлежности к той или другой вере был во всеобщей переписи населения 1923 г.), но в переписи 2001 г. был предусмотрен вопрос о вероисповедании.

К верующим себя причислили 83,6 % жителей; неверующими, или, как пошутил один русский, «комсомольцами», сочли себя 8,3 %; затруднились ответить 8,1 %. В городе верующих несколько меньше, чем на селе (соответственно 80 и почти 91 %). Католиками считают себя 79 % жителей (это составило 2752,4 тысяч жителей Литвы; православными — около 4,2 % (141,8 тысяч); старообрядцами — 0,8 % (27,073 тысяч); евангеликами-лютеранами — 0,6 % (19,6 тысяч); причислили себя к другим верам — 25,6 тысяч; ни к одной религиозной общине себя не причислили — 9,4 % (331,1 тысяч) лиц; 5,5 % (186,4 тысяч) жителей не указали, к какой религиозной общине они себя причислили бы [Lietuvos gyventojų ir būstų surašymas 2001 metais... 2002: 9—14, 188, 200—205].

Итак, старообрядцы являются третьей религиозной общиной в Литве по численности прихожан. Согласно данным переписи, в 2001 г. в Литве проживали 27 тысяч 73 старообрядца. Это меньше, чем предполагали самые большие пессимисты. Члены ВСЦ полагают, что эти данные занижены и численность старообрядцев в Литве достигает 47 тысяч.

Таким образом, можно предполагать, что русских старообрядцев или людей смешанного (например, русского и литовско-католического) происхождения, которые имеют «русскую кровь» и/или так или иначе соотносимы с традицией старообрядчества, в стране гораздо больше. Сравним: согласно всеобщей переписи населения, в 1923 г. на территории Литвы (без Вильнюсского края) было более 32 тысячи старообрядцев; вместе с Вильнюсским краем в Литве тогда проживало около 80 тысяч староверов. Согласно данным ВСС, в конце 1940-х гг. в Литве было от 65 до 88 тысяч старообрядцев.

Сделаем несколько обобщений.

Первое. В течение последних 50 лет численность старообрядцев в Литве значительно сократилась (более чем в три раза по самым пессимистичным подсчетам и на треть — по самым оптимистичным). Мне представляется, что в это время количество старообрядцев уменьшилось где-то в два или два с половиной раза (от приблизительно 70—80 тысяч до 27—35 тысяч). Основными причинами являются отход от веры и постепенное растворение в инациональной и иноверческой среде (процесс ассимиляции и перехода главным образом в католичество). Некоторое значение имела миграция русских староверов в другие регионы СССР (Латвию, Калининград и др.) и позже их эмиграция из Литвы (в Россию, Великобританию и др.).

В связи с этим вопрос: есть ли будущее у старообрядцев Литвы? Старообрядцы расплывются и вымирают? Или они, создав относительно небольшое ядро, как это было в XVIII веке, послужат основой для дальнейшего численного роста Церкви и, возможно, Ее расцвета? Однозначного отве-

та на этот вопрос, по моему убеждению, нет. Ученые могут строить разные прогнозы на будущее, верующие будут надеяться на себя и уповать на Бога. Однако можно утверждать, что в течение последних пяти десятилетий сохраняется общая негативная тенденция сокращения численности старообрядцев, но в то же время были и периоды ее стабилизации или, возможно, даже определенного роста (например, в 1970-е гг., потом — в конце 1980-х и начале 1990-х гг.).

Второе обобщение. Как можно было бы оценить тот факт, что среди 27 тысяч старообрядцев появилось относительно немало нерусских? Старообрядчество, традиционно считающееся верой сугубо русской (не совсем верно; многие коми тоже староверы), постепенно становится многонациональной Церковью в Литве, как и в других странах Балтии?

Согласно переписи населения, нерусские составляют 7,8 % (2104 человека) старообрядцев Литвы, среди которых 60 % (1248 человек) литовцев, 11 % (240 человек) белорусов, 8 % (168) украинцев, 5 % (108) поляков и 3,4 % (75) человек более 10 других национальностей; 12,6 % (265 человек) не указали своей национальности. Наличие среди староверов Литвы около шестисот белорусов, украинцев, поляков и лиц других национальностей можно считать скорее результатом перехода в староверие в связи с заключением брака со старообрядцем или старообрядкой, чем последствием миссионерства старообрядческих наставников (ныне оно крайне неразвито, как и в советское время) или сознательного принятия старой веры.

Совсем иная ситуация с литовцами-старообрядцами. Конечно, некоторая часть литовцев могла принять старообрядческое крещение, как обязательное условие венчания в ДПЦ. Однако среди них более распространено как раз обратное явление: это старообрядцы становятся литовцами, особенно дети и молодежь. Приведу один пример. Дети в смешанном браке русского и литовки (или наоборот) были крещены по старообрядческому обряду, но по языку, на котором они общаются дома, дети являются литовцами. Так они и записали себя (или так их записали родители) в переписи 2001 года⁸.

Итак, первый шаг — это языковая и фактически этническая (не обязательно всегда окончательная) ассимиляция русских старообрядцев Литвы и их детей, особенно распространенная в Жемайтии и других южных и северных регионах, где они проживают малыми группами⁹. Далее судьба этих лю-

⁸ Мне известен случай, когда оба родители русские, но их дети посещают литовскую школу, дома они говорят на литовском языке и считают себя литовцами; это ассимиляция в первом поколении.

⁹ Исключение, видимо, составляют такие города, как Клайпеда и Шяуляй.

дей может сложиться по-разному. Однако даже в демократическом, плюралистическом и небогатом обществе, каким является сегодня Литва, где явно преобладает культура и религия большинства, положение рассеянных меньшинств особенно проблематично. Кроме того, переход на литовский язык как язык домашнего общения нередко сопровождается потерей навыков или утратой русского языка вообще. Родным становится литовский язык, и здесь нет никакого двуязычия. А как быть сегодня без русского языка (церковнославянский и многими староверами основательно позабыт) человеку в русской Церкви?

Поэтому реальной тенденцией становится то, что литовскоязычная молодежь с русскими или смешанными русско-литовскими культурными корнями чаще склоняется и в итоге выбирает не только литовский язык, литовскую культуру (массовую и/или высокую), но и нередко «литовскую» веру — католичество и реже протестантизм (другая возможность — безверие). И это ее, молодежи, выбор, ее право. Надеемся, обдуманый и сознательный, а не только ввиду «сложившихся обстоятельств» (далеко русский детский сад и школа; «и сосед отдал в литовскую школу»; «живем в Литве»).

Таким образом, литовец-старовер стоит не столько перед дилеммой языка, сколько перед душевной проблемой выбора культуры и веры. Это скорее «временное» явление, если не сказать больше — группа верующих, находящаяся на периферии старообрядчества или фактически удаляющаяся от него.

Не забудем и проблемы секуляризации современного общества и его культуры. Согласно новейшим данным религиозности в Европе, в Литве 81,3 % людей принадлежат к какому-нибудь религиозному сообществу, но лишь 31,5 % опрошенных раз в месяц посещают богослужения (в Латвии эти показатели значительно ниже: соответственно 50,9 % и 15,1 %, в России еще ниже, чем в Латвии: 50,5 % и 9,1 %, в Эстонии меньше всего верующих: 24,9 % и 1,2 %) [Time 2003].

Вместо итогов

Период с 1990 по 2003 г. для Церкви был периодом возрождения и нарастания конфликтных процессов, которые приуменьшились, но не прекратились.

До конца истории печальное будет сопровождать жизнь Церкви вперемежку с отрадным. Очень понятное желание немедленно увидеть на земле безукоризненное Собрание Святых в незапятнанных белых ризах порождает

утопию, гибельную, как всякая утопия, и вдвойне гибельную как «духовная прелесть». Страшная расплата за мечтательность — догматическая путаница, даже хаос и экклезиологическая паника: истинный ли это собор и его постановления, или это уже самозванный съезд, решения которого необязательны?; наконец, простой верующий может задать вопрос: да в настоящей ли он Церкви, или уже в Антихристовой?¹⁰. Эта догматическая путаница не раз гнала живые, ревностные, духовно чуткие, но недостаточно трезвые и увлекающиеся души: из Церкви — в схизму или «мир», из единства — в разделение, порождая все новые и новые отколы, «общины» и «высшие советы». Как показывает новейшая история старообрядчества Литвы и других стран, отколы и конфликты, раз начавшись, не могут остановиться, путаница не ослабевает: ибо беглецы или ревнители сталкиваются на новом месте с теми же проблемами, от которых бежали или которые старались преодолеть. И еще не измерена, не оценена роль догматической путаницы и экклезиологической паники в приостановке процесса возрождения Церкви начала 1990-х гг. и распространении безразличия к *старой вере*, вере вообще.

Единственное противоядие от путаницы — добрый мир путем церковной икономии, церковной дипломатии или постановления подлинного собора, имеющего право избирать ВСС и окончательно решать спорные церковные вопросы; противоядие от паники — истина, изложенная в Писании, сохраненная в Предании, соборах и проповедуемая Церковью.

Такова догматическая сторона дела. Что до моральной, я хотел бы ограничиться в заключение этой части двумя замечаниями.

Во-первых, бесполезно спрашивать, участвовали ли наставники и другие церковные руководители во вчерашних (не все они еще прекращены) конфликтах, которых лучше не было бы вообще. Мы знаем, что это новая драма Церкви в условиях свободы религии и свободы для человека. Но можно и должно спрашивать, как вел себя каждый наставник и верующий внутри непростой ситуации драматического действия. Пытался ли он добиться чего-то для Церкви — или думал о своей выгоде и о вреде для своих коллег, братьев? Имел ли он своим обличением цель помочь критикуемой личности или учреждению вести себя лучше и помешать вести себя хуже — или спокойно ставил их под удар, направленный на безоговорочное моральное уничтожение своего объекта? Конечно, дискуссия о недавнем прошлом велась и не смолкает ни на страницах религиозной печати, ни тем более среди наставников и мирян в общинах, на улице и в домашнем кругу. Однако, по моему

¹⁰ Автору не раз приходилось слышать, как в полемическом пылу некоторые верующие называли своего оппонента «врагом Церкви», что на церковном языке имеет вполне конкретный смысл.

убеждению, в этой дискуссии еще недостает голосов, которые могли бы без демагогии и односторонности, но нелицеприятно и принципиально рассматривать подобные вопросы.

Во-вторых, если русская пословица гласит: «Каков поп, таков и приход», то ведь до некоторой степени верно и обратное. Каждый народ имеет такую власть, какую заслужил; в том числе и духовную. Задача верующих — заслужить (и вымолить) для своей Церкви таких пастырей, из-за которых и имя Божие не будет хулимо чужими, и им не будет в упрек.

Литература

- Аверинцев 1992 — С. Аверинцев. Мы и наши иерархи — вчера и сегодня // Новая Европа. Международное обозрение культуры и религии. Вып. 1. М., 1992.
- Архив Высшего Совета — Архив Высшего Совета ДПЦ Литвы. Вильнюс.
- Васильев 1997 — В. Васильев. Коммунисты закрыли, а демократы не в силах восстать // Обзор. № 40. Октябрь 1997 г.
- Гутуров 1999 — А. Гутуров. У староверов двоевластие // Лиетувос ритас. № 45. 12—19 ноября 1999 г.
- Деяния собора... 1991 — Деяния собора Старообрядческой Поморской Церкви Христовой 1988 г. / Сост. И. И. Егоров. Вильнюс, 1991.
- Календарь... 2002 — Календарь Древлеправославной Поморской Церкви на 2002 год. М., 2002.
- Старовер 1997 — Старовер. Информационный вестник. № 10. 5 января 1997 г.
- Старообрядческий церковный календарь 1989 — Старообрядческий церковный календарь на 1989 год. Рига, 1989.
- Старообрядческий церковный календарь 1990 — Старообрядческий церковный календарь на 1990 год. Рига, 1990.
- Balikiėnė 1992 — В. Balikiėnė. Paslaptinėjėji bėropiai pomorcai skaiėiuoja žvakigalius... // Respublika. 1992 m. liepos 14 d.
- Lietuvos gyventojų ir būstų surašymas 2001 metais... 2002 — Lietuvos gyventojų ir būstų surašymas 2001 metais. Gyventojai pagal lytį, amžių, tautybę ir tikybą. Vilnius, Statistikos departamentas, 2002.
- Lietuvos valstybės archyvas... — Lietuvos valstybės archyvas. F. R—181. Ap. 1. B. 176. L. 102—103.
- Skatikaitė 1991 — R. Skatikaitė. Aštunkampio kryžiaus garbintojai // Respublika. 1991 m. sausio 5 d.
- Time 2003 — Time. 06.16.2003.